

Когда в руки попадает новая книга, заранее не знаешь, дочитаешь ли её до конца, какой след оставит она в твоих чувствах и мыслях, захочется ли на неё откликнуться. Я не критик и не оперирую литературоведческими терминами, просто высказываю свои впечатления и своё отношение. Имя Анатолия Омельчука мне уже знакомо, я безошибочно узнавала, угадывала его почерк, его стиль даже в цитатах. И вот у меня появилась новая книга писателя с интригующим названием «Может быть когда-нибудь». И я с нетерпением раскрыла её страницы.

Жанровое разнообразие книги понятно и оправдано, если всё её содержание, «Избранное», по словам автора, – это выбор читателей, и не случайных читателей, а тех, чьё мнение важно для него. Но эту многоцветную книгу объединяет главная героиня практически всех рассказов, очерков, стихов Анатолия Омельчука – его любовь, его гордость, его тайна, его боль и его прошлое, настоящее и будущее – Сибирь.

Писать об этой книге сложно. Дробность материалов такова, что невозможно говорить о каждом произведении в отдельности. С чего начать, за какую ниточку какого клубочка потянуть?

Сказать, что Анатолий Омельчук оригинален? Да, он оригинален во всём – в стиле рассказов и очерков, в аннотации и авторском предисловии, в таком неопределённом названии книги, в юморе и в суждениях, в подаче и оформлении. Но оригинальных людей немало, и так ли уж это самоценно? Иногда такая оценка бывает и со знаком минус, поэтому не выразит в полной мере всех достоинств книги и самого автора.

Сказать, что автор самобытен? Да, самобытен – по словарю, по глубине погружения в темы, по свежести и аромату языка. Но чаще такое определение даётся писателю, который только входит в литературу. А Омельчук давно уже занимает в ней достойное и заслуженное место. Разносторонне талантливый, он и художественные книги написал, и Европу повидал, и с известными в стране политиками и государственниками пообщался, и Север не просто изучил, а прошёл, проплыл, проехал, и журналистика его на высшем уровне. Как определить его? Разве что как в анекдоте: есть школьная комната с табличкой «Хорошие дети», есть комната с табличкой «Плохие дети», «Гениальные дети», а есть отдельный кабинет с табличкой «Вовочка». Вот и автора книги сравнить не с кем, это отдельная планета под названием «Омельчук» – страшно талантливый и ни на кого не похожий. И он давным-давно сам знает это.

Читая рассказы Анатолия Константиновича о детстве, я невольно сравнивала и своё деревенское детство в маленькой тамбовской деревне. Как много похожего! О, я до сих пор прекрасно помню это нетерпение и усталость тоненьких рук и так долго тянущееся время, пока в маслобойке не появятся первые крупинки сбитого масла! Это одно из посильных занятий ребёнка, его помощи, пока взрослые занимаются более трудоёмкими делами. И детские хвори, внезапно исцеляемые не лекарствами, а чем-то необыкновенно вкусным, раздобытым мамой. И безмен, и керосинка, и уют на углях, и веретено... Но у писателя Омельчука свой взгляд и свой необыкновенно поэтичный, образный язык этих коротеньких рассказов:

«Время остановилось. Оно не течёт. Оно затвердело, как старый мёд, ему нелегко течь. Я в этот день как в меду». «Если ангелы пахнут – они могут пахнуть только цветущей черёмухой». «Счастье слов. Я произношу старые – родного дома – старинные слова и испытываю счастье».

Очень впечатлил рассказ о встрече писателя с Валентином Григорьевичем Распутиным («Осень патриарха»). И почти оксюморон в определении состояния Распутина на момент встречи, на момент осени жизни: «Мужество смирения». Да, не просто смирение, а мужество смирения.

Мне приходилось видеть Валентина Григорьевича при его жизни, он приходил в издательство «Молодая гвардия», где я работала. И всякий раз меня поражало выражение боли в его лице. Не физической боли, а человеческой муки, страдания. Хотелось сделать что-то такое, что изменило бы это выражение. Но что можно было сделать? И вот Омельчук говорит с патриархом нашей литературы, у которого в лице уже не боль, а мужество смирения. И «Может, и не пишет уже. Но вырастает в масштабе давно написанное им».

Поэт Светлана Сырнева из Кирова на одной из встреч с читателями сказала: «По большому счёту, настоящий писатель одинок – независимо от количества поклонников». Собственно говоря, мысль не новая. И у Анатолия Омельчука, при огромном количестве его поклонников, в творчестве прослеживается эта нота одиночества – в эссе, наблюдениях, зарисовках.

Тесная Европа не менее располагает к зарисовкам внутреннего мира, чем необъятная Сибирь. А может, и более – с её историей, литературой, с большим вниманием к женщине как объекту вождения, с чужими мнениями и высказываниями. Но в Европе нет возможности для глубины мышления. Даже если автор просто сидит один за столиком какого-нибудь малолюдного кафе, наблюдает, размышляет о литературных героях, исторических личностях, о проходящих мимо женщинах, создаётся ощущение тесноты. Одиночество талантливого, творческого человека – ещё острее в коллективном одиночестве. Возникает разительный контраст. Сибирь выше, чище, мысли и строки рождает более высокие и чистые. И одиночество там – иного порядка.

«Может быть когда-нибудь» – это книги в книге. А если так (ну можно же так сказать, не нарушая правил русского языка?): книга книг!

«Книга печали» – белым по чёрному. Но и печаль печали рознь. Вот «Печаль чужой луны»: «Народ здесь мелковатый, желтоватый, неказистый и неисправимо послушный. Хотел бы я, великий Омельчук, быть одним из них?» Ну и кто усомнится, что это Гулливер Омельчук, даже если бы он и не называл свою фамилию? В этой миниатюре, кроме иронии, ещё можно много чего разглядеть и почувствовать. Маленькая луна – лунёшка, даже не оставляющая на волнах лунной дорожки. Чужая. «Моя родная луна всегда прокладывала путь-дорожку (не просто дорожку, а ПУТЬ-дорожку! – Н.С.) на серебряных водах ночной Оби». Можно написать огромную книгу о патриотизме, а можно без всяких «измов» в небольшой поэтичной и мудрой картинке сказать об этом ярче, богаче и верней.

Омельчук вначале в своих эссе и рассказах философски размышляет на темы любви, женщины, печали, времени, а в «Печальках» кратко подытоживает то, что остаётся в памяти сердца: «Время любви в зачёт жизни не идёт», «Ревность – репетиция похорон», «Любовь – репетиция бессмертия», «Печаль – нерастворимый осадок», «Завтра наступило – и прошло».

В стихах Анатолия Омельчука – темы те же, разве что без политики, без внешних социальных раздражителей. Но он более доверчиво раскрывается – нежно, сердечно. Как будто для того, чтобы высказаться откры-

венно лирическими строками о любви, о душе, о времени, об одиночестве, а потом захлопнуть дверцу душевных откровений и вернуться к суровой, умной, мужественной прозе.

К чему бы я субъективно придралась – так это к составлению и наименованию разделов книги. Я не очень понимаю, чем, например, раздел «Тексты» отличается от предыдущих очерков и рассказов. Вероятно, хронологией написания? Да и какие же это «тексты»? Даже обидно! Теперь ведь зачастую многочисленные попсовые исполнители не обращаются к поэтам за стихами для своих песен, они сами их пишут. И стыдливо называют их уже не «стихотворения», а «тексты». Но здесь – о! – это поэмы о Сибири, гимн Сибири! Случайно ли Омельчук поместил эти самые важные, самые острые, самые злободневные статьи в самое сердце книги?

Писатель задаётся вопросами: «Чем это пространство отличается от другого? Почему я – дитя этого пространства? Чья колония Сибирь? Как же так получилось, что невероятно природно богатая страна Сибирь влачит, по существу, полунищенское существование? Что теряет, теряя Сибирь, планета? У Сибири есть будущее?» И он приходит к выводу: «Большое пространство не делает государство крупным... Пространство России, естественно, сибирское пространство – самый надёжный её щит... Великой – окончательно великой – Россию мира делает Сибирь... Планетарная миссия Сибири». «Хотел написать о том, как красива, мощна, мудра, сильна страна Сибирь. Российская Сибирь. А оказывается, ещё необходимо доказывать, что Сибирь нужна России».

И лично для себя автор делает вывод: «Хорошо любить это впечатляющее пространство (Атлантический океан. – Н.С.). А кому же любить мою скромную сибирскую родинку? Моя родина не может обойтись без моей любви – она родила и породила меня – её любить». Так сын берёт под защиту свою мать и заявляет об этом во всеулышание. Так он, сын своей земли, берёт под защиту и ранее рождённых, и усыновлённых её детей. Он напоминает о том, что именно в Сибири зародились идеи очень многих знаковых для всей России событий, таких, например, как отмена крепостного права. Он реабилитирует известных исторических личностей, не приукрашивая их, но и не принимая чёрно-белых красок, которыми пишут их портреты некоторые сторонние исследователи и историки. Это и князь Матвей Гагарин, и Григорий Распутин, и адмирал Колчак.

Каждый очерк требовал от писателя огромного труда, глубокого погружения в тему, поиска источников, – и вот нам открываются доселе неизвестные или малоизвестные факты, сюжеты, документы, письма. И являются живые образы людей удивительной судьбы, твёрдого характера, жертвенной любви. В книге представлены и осмыслены характеристики и образы самой Сибири глазами её сторонних поклонников – поэтов, писателей, путешественников.

Благодарные и восторженные слова находит Омельчук для тех, чьими именами восславлены и Сибирь, и вся Россия. Например, ничего выше о Петре Павловиче Ершове, знаменитом авторе «Конька-Горбунка», я ранее не читала: «Редкому гению удаётся так совпасть с собственным народом». «Конёк-Горбунок» – это эпос. Эпос русского народа. Русская Илиада. Эпос русского духа». «Космическая феерия».

Анатолий Константинович Омельчук не принимает понятия «малые народы». Ханты, манси, ненцы и другие народы Сибири... для писателя любовь к ним – это любовь не к малым, а к великим народам, сохранившим в чистоте «то, чего у нас не было, или было, но растеряли». Если бы сам писатель не сообщил, что он сибиряк в первом поколении, в это труд-

но было бы поверить – настолько в нём ощущается многовековая родовая память Сибири.

Ещё один раздел, «Смыслы» – это афоризмы, остроумные, оригинальные, образные, неожиданные и точные:

«Прогресс – всегда агрессия», «Любя – не грешат. Грешат – не любя», «Парадокс России – и работы нет, и работать некому», «Демократия – свобода без ответственности», «Золото правды не любит». Да по одному только последнему высказыванию можно написать целый трактат! Но Омельчук есть Омельчук! Только начнёшь с полной серьёзностью вдумываться в изречения мудреца, а он – бац! – и выдаёт такое, что нельзя не рассмеяться:

«Первый признак профессионала: попросишь его сделать плохо – он сделает ещё хуже», «Вдохновение – это приспичило!», «Он полюбил шахматы за мат», «Опыт девушку не украшает», «Интеллигентность по наследству не передаётся». Вот такой умный русский юмор!

Из произведений последнего года большое впечатление произвёл рассказ «Желтоглазая смерть». О многом заставляет задуматься – о жизни и смерти, о тайнах и непознанных явлениях природы и двойного бытия. Это факсимильное воспроизведение рассказа – вольный, распахнутый, красивый, открытый, просторный почерк намекает нам и о характере его обладателя.

Надо отметить, что к оформлению книги многие творческие личности приложили свои таланты. Разнообразие красок и шрифтов, замечательные рисунки художников, просто гениальные рисунки детей – внучек Анатолия Омельчука. Да, пестро получилось, но ярко, красиво, разнообразно, интересно. Как сама жизнь.

Признаюсь окончательно: не будучи знакомой с автором книги, я ещё раньше влюбилась в язык его художественной прозы по отдельным публикациям. Спасибо Вам, теперь более знакомый мне и уважаемый Анатолий Константинович! Вам и Вашим произведениям, новым и уже написанным – счастливого будущего!